

kids?(Letters to the Editor. San Francisco Chronicle).

Третья семантическая модель основана на метафорическом переносе с использованием названий живых существ и объектов реального мира: 'глаза+признак(внутренний или внешний)'. Напр.: *rat-eyed* 'крысиные глаза', т.е. маленькие, бегающие (внешний признак), *frog-eyed* 'лягушачьи глаза', т.е. выпучены (внешний признак). Лексема *fishy-eyed* может трактоваться как 'рыбьи (пустые) глаза', 'безжизненные' или 'подозрительные', и значение зависит от контекста и лексической наполненности первого элемента 'fishy'[5]. Лексемы *lynx-eyed*, *eagle-eyed*, *hawk-eyed*, *Argus-eyed*, etc. выражают качества, внутренний признак 'имеющий острое зрение, бдительный': 'watching closely, carefully and noticing small details', 'having keen sight'[2], 'vigilantly observant'[4]. Пр.: *There are good reasons why descriptions of perfect, piercing vision are often animal-like: eagle-eyed, hawk-eyed, lynx-eyed. The law of the jungle doesn't make allowances for astigmatism, double vision or cataracts* (The Eyes Have It Animals. M. Mahoney).

В особую группу можно выделить идиомы и фразеологизмы с композитами на *-eyed*, напр., *pie-eyed*, *pigeon-eyed* в значении 'very drunk'[5;6].

Заключение. Из выше сказанного можно сделать вывод о многомерности деривационных моделей производных на *-eyed*, где семантика мотивирована двумя элементами, главным из которых является характер первого элемента (существительного или прилагательного), который «задает значение» (физиологическое, эмоциональное, психическое и т.п.). Таким образом, семантическая структура производных на *-eyed* представлена моделями: 1) 'глаза+признак (внешний)'; 2) 'глаза+признак (внутренний), состояние', основанная на метонимическом переносе; 3) 'глаза+признак(внутренний или внешний)', включающая названия животных и мотивирована метафорическим переносом. Следует отметить продуктивность деривационной модели 'N or Adj +eyed' в силу «емкости» и языковой экономии компонента '-eyed'.

Список литературы

1. British National Corpus [Electronic resource] / Oxford University Computing Services; University of Oxford, 2009. – Mode of access: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>. – Date of access: 12.12.2013.
2. Collins COBUILD English Language Dictionary / ed. by J. Sinclair [et al]. – London, Glasgow: Collins, 1987. – 1703 p.
3. Corpus of Contemporary American English: 450 million words (1810–2009) [Electronic resource] / Brigham Young University; created by M. Davies, 2009. – Mode of access: www.corpus.byu.edu/coha. – Date of access: 12.12.2013.
4. Merriam Webster's Online Dictionary [Electronic resource] / Merriam Webster, Inc., 2012. – Mode of access: <http://www.merriam-webster.com>. – Date of access: 20.12.2013.
5. Oxford Advanced Learner's Dictionary [Electronic source]. – Electronic dat. (769 Мб). – Oxford: Oxford University Press, 2010. – CD-ROM. – 1 диск.
6. Spears, A.R. Dictionary of American Slang and Colloquial Expressions / A.R. Spears. – 4th ed. – McGraw-Hill Education, 2007. – 560 p.
7. Новый Большой англо-русский словарь: в 3-х т. Около 250 000 слов / Ю.Д. Апресян [и др.]; под общ. ред. Ю.Д. Апресяна. – М.: Русский язык, 1994. – 832 с.
8. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пос./ С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 624 с.

ЯЗЫК И РЕЛИГИЯ: СФЕРЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

А.А. Бувевич

Витебск, ВГУ имени П.М. Машиерова

В последние десятилетия XX – начале XXI в. новое освещение получает проблема взаимоотношения и взаимовлияния языка и религии, появляются новые концепции языка, в которых язык анализируется в тесной связи с духовно-практической, религиозной деятельностью человека. В своем учебном пособии «Введение в лингвокультурологию» (1997) В.А. Маслова указала на перспективность исследования особой области лингво-

культурологии – «взаимодействие языка и религии» [1, 23], а в 1998 году Н.Б. Мечковская в своей работе «Язык и религия» доказала, что тема взаимоотношений языка и религии всегда, даже в самые атеистические периоды советского времени, изучалась филологами, культурологами, философами, литературоведами, историками [2].

Цель данной работы – выявить особенности основных подходов к рассмотрению вопроса о взаимоотношениях и взаимовлиянии языка и религии в языкознании.

Материал и методы. Методологическую основу исследования составили работы отечественных и зарубежных философов и лингвистов по проблеме взаимоотношений языка и религии: «Язык и философия культуры» (В. фон Гумбольдт), «Введение в философию» (В.Д. Кудрявцев-Платонов), «Философия имени» (П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков, А.Ф. Лосев), «Язык и религия» (Н.Б. Мечковская), «Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития» (И.В. Бугаёва), «Наука о языке в свете идеала цельного знания» (В.И. Постовалова), «Русская теолингвистика: история, основные направления исследований» (А.К. Гадамский). Для достижения поставленной цели в работе используются методы описания и систематизации теоретического материала.

Результаты и их обсуждение. В современном языкознании можно обнаружить разнообразные подходы к изучению проблемы соотношения языка и религии: антропологический, богословско-философский, теоантропокосмический, семиотический.

Антропологический подход к анализу языковых явлений, или принцип «человека в языке», восходит своими истоками к концу XVIII – началу XIX века и связан с основными идеями философии языка В. фон Гумбольдта (1767–1835), который отождествлял язык с народным духом, а истоки языка связывал с духовной сферой и духовной культурой народа.

Вслед за В. фон Гумбольдтом представители русской религиозной философии (А.С. Хомяков, братья И.В. и П.В. Киреевские, братья И.С. и К.С. Аксаковы, В.Д. Кудрявцев-Платонов) также полагали, что язык служит выражением души народа, что особенность языка состоит в его включенности в самые основы народной жизни и способности выражать не только знания, но и самобытный дух народа [3]. В русле богословско-философского направления значение слова определялось рациональным обоснованием православия, а язык, в этом случае, считался священным и постоянным достоянием народа.

В основе теоантропокосмической интерпретации взаимоотношений языка и религии лежит онтологическая теория языка, согласно которой имя и слово трактуется как универсальная основа всего: Имя (Логос) предшествует любому именованию, а человеческие имена заключают в себе проявление Божественной энергии. В рамках этого направления язык представляется как онтологически-коммуникативный стержень бытия, связующий Абсолютную личность Творца с тварной личностью человека и выполняющий роль «места встречи» Бога и мира (П.А. Флоренский, А.Ф. Лосев, С.Н. Булгаков). В рамках данной концепции разворачивается теоантропокосмическая парадигма В.И. Постоваловой, согласно которой язык рассматривается в контексте Бог-космос-человек.

С позиции семиотического подхода язык выступает как первичная, базовая семиотика, опора и универсальная оболочка большинства форм общественного сознания, а религия представляет собой вторичную семиотическую систему, обладающую значительно более глубоким и богатым содержанием, чем язык (Н.Б. Мечковская). Мы считаем, что семиотический подход позволяет рассматривать язык и религию в предельно широкой системе координат:

- 1) как инструменты жизнедеятельности человеческого сообщества, обеспечивающие более объективное видение социального функционирования языка и религии;
- 2) как код, то есть систему, «в которой заданы (т.е. оговорены по предварительному соглашению) репертуар знаков и их значений вместе с правилами комбинаций знаков», и обеспечивающую коммуникацию в соотношениях: человек – человек, человек – мир, человек – Бог, человек – сакральный мир.

В заключение отметим, что разрешение сложной и многоплановой проблемы взаимоотношений языка и религии, а также соединение разных типов ментальности (науч-

ной и религиозно-богословской) как раз становится возможным в русле нового раздела языкознания – теолингвистики, исследующей проявления религии, которые нашли свое отображение в языке.

Список литературы

1. Маслова, В.А. Введение в лингвокультурологию: учебное пособие. – М.: Наследие, 1997. – 208 с.
2. Мечковская, Н.Б. Язык и религия: Пособие для студентов гуманитарных вузов / Н.Б.Мечковская – М.: ФАИР, 1998. – 352 с.
3. Хомяков, А.С. Мнение иностранцев о России // Полн. собр. соч. в 8 т. – Т.1. – М., 1900–1904. – 417 с.

ПОГРАНИЧЬЕ КАК ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Л.М. Вардомацкий
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Как известно, понятие «пограничье», как и «приграничье», обычно воспринимается как некая территория, относительно условная по ширине, прилегающая к границе другой территории. Установление межтерриториальных разделений носит почти всегда волюнтаристский или конвенциональный характер. Большинство современных международных договоров отдельно учитывают некий особый статус приграничных территорий. Особенность приграничных территорий действительно реальна и она вытекает из глубоких исторических корней формирования приграничных территорий.

Актуальность данной работы определяется возросшим в последние годы вниманием к проблемам пограничных территорий, попыткам их комплексного определения с учетом данных различных наук.

Цель работы – историко-лингвистический анализ формирования современного белорусско-русского (витебско-российского) пограничья.

Материал и методы. Материалом для анализа послужили практические исследования как современных языковедов, так и историков восточнославянских языков на основе метода историографического сопоставления данных.

Результаты и их обсуждение. Один из подходов изучения языка и культуры пограничных территорий основывается на изучении археологии, современных кропотливых записей и описаний особенностей местных говоров, обрядовых традиций, этнической специфики того или иного региона. Отсюда исследователи приходят к понятию «переходная культура». Переходная культура – «это когда, – говорит Т.А. Листова, – постепенно некоторые особенности уклада одного народа переплетаются с жизнью другого... Мы можем наблюдать, как плавно смоленская традиция переходит в витебскую с примесью могилёвской и гомельской» [1]. Отдельные территории (пос. Ляды, Дубровенского района, например), по ее мнению, представляют собой пример синтеза «культурных традиций Витебской, Могилёвской, Гомельской, Смоленской и Брянской областей» (*там же*).

Между тем автор этих слов, как нам кажется, хорошо понимает, что «само определение этнической принадлежности подчас является не безусловным и зависит от разных причин социального, исторического, политического характера. Отнесение жителей той или иной территории к определённому этносу может зависеть и от того, кто даёт экспертную оценку». Так, русско-белорусское пограничье Т.А. Листова относит к регионам «с трудно определяемой этнической принадлежностью» [2; 5]. Поэтому методики исторических, социологических, культурологических и языковых в том числе исследований разных приграничных территорий, на наш взгляд, априори не могут быть универсальными и определяются спецификой приграничного региона.

Известно, что еще в 1902 г. Е.Ф. Карский сделал картографическую попытку определить границы «белорусского племени». В качестве основного принципа такого определения им было положено следующее суждение: «Основой для определения границ Белорусской области у нас исключительно служит язык; вследствие этого, например, те ли-